

Кто хоть однажды был крылатым,
прописан в небе навсегда!

В. Федоров

Часть 1

Дед неподвижно сидел прямо на земле, прислонившись к плетню. За его спиной тянулись кошары, в которых уже неделю не было ни одной овцы. Ворота настезь, легкий ветер гонял пыль, сухую траву и невесть как сохранившиеся клочья овечьей шерсти. Судя по внешнему виду, старику тяжело далась прошедшая ночь. Дед с наслаждением вытянул измученные ноги и подставил лицо набиравшему силу весеннему солнцу. Непокрытая голова, рваные штаны, такой же потрепанный, явно с чужого плеча пиджак на голое худое тело. Серые волосы припорошены дорожной пылью. На лице свежие кровоподтеки, вокруг шеи — синяк.

Поток беженцев иссяк, мимо тянулась только военная тыловая колонна. Причем не к фронту, а в тыл. На замыкании — груженные всяческим барахлом «ЗИСы» с прицепленными полевыми кухнями и бочками.

Впереди у разбитого моста через небольшую речушку вышла заминка. Колонна остановилась. «Ищут брод», — подумал дед. Из кабины последнего грузовика выскочила невысокая дивчина в гимнастерке, юбке и аккуратных сапожках, тонкую талию подчеркивал армейский ремень. Потянулась, увидела деда, подошла, огромными черными глазами посмотрела сверху вниз:

— Живой?

— Живой, красавица, — отозвался тот неожиданно сочным баритоном.

— Чего расселся?

— Устал... да и идти особо некуда.

— Кто это тебя так? — девушка достала платок, чуть послонявила его и протянула руку, чтобы стереть ступок запекшейся крови. Она почувствовала запах овчины и удивилась глубине голубых, совсем не стариковских глаз. Потом, словно спохватившись: — Есть хочешь?

— Благодарю, сударыня, — не без усилия дед поднялся и в знак благодарности поклонился. Он оказался на голову выше девушки. — Правду сказать, не помню, когда и ел-то до сыти.

— Сейчас, — девушка рванулась к машине и, ловко запрыгнув в кузов, стала рыться в ящиках. Впереди стоящая машина тронулась с места, и водитель ее «ЗИСа» несколько раз нетерпеливо посигналил.

— На, держи, — девушка протянула деду буханку хлеба и банку тушенки.

Произошло то, чего повариха-официантка столовой авиаполка озорная Шурка ждала меньше всего. Вместо того чтобы жадно схватить драгоценный дар, дед взял ее руки себе в ладони, пристально посмотрел в глаза и попросил:

— Возьмите меня с собой. Буду делать все, что скажете. Я многое умею... Прошу вас... — и столько мольбы было в его словах и во взгляде, что девичье сердце не выдержало.

— Полезай в кузов... Только никому не говори, что я разрешила.

* * *

О такой удаче дед, а по документам Бессонов Павел Григорьевич, 1897 года, уроженец Смоленской губернии, даже не мечтал. Про документ — очень сильное преувеличение. Выпросил справку в сельсовете, когда первый раз его обокрали в станице Петровская. На самом деле украли мешок с харчами и кое-какими пожитками, но в сельсовете поверили, что там были и документы. А то ведь куда ни сунься: «Покажите документы!» — и волокут в комендатуру. Насиделся и натерпелся, не рассказать словами... Научился прикидываться дурачком. Честно говоря, по внешнему виду на большее и не тянул.

Первые три дня, пока ждали прилета полка и вгрызались в землю, дед не выпускал из рук лопату. Копал так, что молодые не выдерживали и просили о перекуре. Не то что загорел — почернел на солнце. Мужики оценили его рукастость и готовность к любой работе, а бабы отметили обходительность. Ни одного грубого слова, ни, боже сохрани, мата. Особо молодые обратили внимание на худое, но красивое мускулистое тело. Похихикивали над Шуркой — мол, губа не дура.

Так он и остался при кухне: «Дед, принеси, наколи, подай». Все беспрекословно, вежливо, достойно. Ответного слова от него вообще дожидаться было сложно. Немного отъелся. Зажили язвы на ногах и на теле. Нашли ему латаную почти белую хэбэшку и вполне приличные кирзачи, чтобы не отсвечивал своим пиджаком на аэродроме. Ремень и пилотку сам где-то добыл. Издали — солдат как солдат, только без оружия.

Удивительно, но, занимая такое бесправное положение, дед не позволял собой помыкать, умел словом, иногда только взглядом поставить на место какого-нибудь любителя покомандовать. Единственным

неоспоримым авторитетом для него была «Александра Васильевна» — так и только так он обращался к Шурке. Она же гордилась «найденышем», опекала его, как могла, зорко следила, чтобы и остальные относились к нему с уважением.

На кухне официантки и поварихи давно рассмотрели, что «никакой он не дед» и у Шурки светятся глаза, когда она с ним заговаривает. Тут ошибки быть не может. Особенно после небольшого инцидента с комсомольцем полка. Он слыл полковым ловеласом, ни одной юбки не пропускал, чтобы не приобнять или не шепнуть на ухо что-то сальное. Когда в присутствии Бессонова он позволил себе положить руку Шурке гораздо ниже талии, тот бросил охапку дров и недвусмысленно двинулся к хаму. Однако его защиты не потребовалось, девушка сама вlepила неудачливо му ухажеру такую звонкую пощечину, что остальные поварихи просто зашлись хохотом.

Когда у деда была свободная минутка, он тянулся к технарям. Сначала тоже «подай», «подержи». Обратили внимание на жадность, с которой он интересовался даже не деталями, а малейшими нюансами устройства двигателя и вооружения планера. Еще заметили, как он в свободную минуту подходил к самолету, гладил рукой плоскость, фюзеляж, открывал-закрывал лючки, смотрел в небо. Часовые привыкли и, когда рядом не было начальства, не прогоняли его. Иногда он сам уходил с глаз долой, делал гимнастические упражнения, вертелся волчком вокруг пальца, воткнутого в землю. Технари крутили пальцем у виска, а летчики понимали, но недоумевали: тренирует вестибулярный аппарат — зачем?

Не всегда Бессонов был молчалив. Когда речь заходила о самолете, его прорывало. Некоторые его

вопросы ставили в тупик даже старшину Хренова, сбегавшего из-под «брони» слесаря 6-го разряда из сборочного цеха Саратовского авиазавода, где клепали их «Яки». Технаря от бога. Человека, лютого до работы, крайне нетерпимого к бестолковости и лени, жесткого, но справедливого. Понятно, что над кличкой его долго не думали. Даже командир полка, с чьим самолетом нянчился старшина, не раз в запарке орал: «Куда этот Хрен делся?!».

Как-то незаметно попал Бессонов под крыло старшины. Хотя почему незаметно? Копаются стармех в двигателе, стоя на стремянке, а дед ему ключи подает.

— Торцовый на 17... Отвертку...

Потом не успел Хренов подумать, а помощник уже тянет ему выколотку, пассатижи или рожковый на 14...

«Он что, понимает, что я делаю и в какой последовательности?» — удивлялся поначалу старшина.

Потом копался Хренов с технарями как-то в двигателе командира. Тупит в воздухе, чуть поддать оборотов — греется. Сам помпотех полка капитан Руденко присутствовал и давал мудрые советы. Долго и мучительно пытались засунуть под обтекатель дополнительный радиатор. Не лезет, зараза. Чего только не перепробовали. Сидят, самокрутки садят, плюнь — зашипят.

Бессонов рядом в ведре с керосином по заданию старшины детали промывал. Неожиданно встал, стряхнул руки, достал из кармана железку, протянул капитану.

— Что это? — удивился Руденко.

— Мне кажется, причина перегрева — критически малое сечение патрубка нагнетателя. Я предлагаю заменить стандартный на этот.

— Хренов, а ведь он прав! Увеличим поток, не надо дополнительный радиатор. У самого вертелось в мозгу... Заборник красивый вышел... Сам сделал?

— А что здесь сложного?

— Ты вообще кто? — продолжил допрос помпотех, вставая и внимательно глядя на неожиданного рационализатора.

— Человек... С вашего позволения, Бессонов Павел Григорьевич...

— Я тебя, Бес, фамилию не спрашиваю. Что здесь делаешь?

На защиту Бессонова встал старшина:

— Да местный он, на кухню прибился. Пришел — кожа да кости. Сейчас хоть на человека становится похожим. В технике фору из нас любому даст, да и руки не из жопы растут. Разрешите, я себе его возьму.

— Я не против. Что Мыртов скажет?.. Да и на довольствии он не стоит...

— Мыртов пусть диверсантов и шпионов ловит, а мне каждая пара рук — на вес золота. Тем более такая. — Старшина с удовольствием пожал руку «деду», потом притянул его к себе и обнял. Возраста и роста они были одного, разве что Хренов носил усы и по весу превосходил Павла Григорьевича раза в полтора.

С того времени они стали почти неразлучны. Вместе работали, вместе ели, в одной землянке спали. Старшина даже попробовал поставить его в строй за собой, но Бес (с легкой руки помпотеха эта кличка прилипла к «деду» намертво) твердо сказал, что «не достоин». Хотя старшина и был категорически не согласен, спорить не стал. От греха подальше. А не согласен Хренов был по той причине, что лучшего спеца по выверке и пристрелке вооружения в полку не было. Делал он это настолько грамотно и виртуозно,

что лично комэски, не говоря о рядовых летчиках, находили и благодарили Бессонова за работу пулеметов.

Теперь «деда» можно было видеть не только рядом с самолетами, но и сидящим в их кабине.

— В самолетики Бес играет, — зубоскалили технари, глядя, как ходуном ходят закрылки и элероны.

— Цыц, криворукие, — тут же вступался Хренов, — человек головой работает!

И это было правдой. Добился Бессонов внедрения своей идеи... Хотели официально, но Руденко встал на дыбы: «Не сметь!». Вот они вдвоем втихаря и заменили заборник на командирском «Яшке». Одна проблема — на земле не проверить. Бой — не самое подходящее место для экспериментов. Где взять рискованного аса?

— Я бы сам мог, — заикнулся однажды Бессонов, когда они по случаю нелетной погоды решили приговорить старшинские запасы «наркомовской».

— Ты-ы? — удивился старшина, занюхивая корочкой очередные сто грамм.

— Не уверен, но попробовать можно, — ковыряя ложкой тушенку, проговорил новоиспеченный летчик.

— Забудь, а то Мыртов нам обоим голову снесет.

— Алексей Михайлович, дорогой! Фашист на Волгу прет, Сталинград с землей ровняет, каждый день кого-то из истребителей хороним, а мы Мыртова боимся. Знаю, мы победим. Русь не такое видела! Но спросят меня... Нет, я сам себя спрошу: «Что ты сделал для победы?» Смело и мужественно гайки крутил? Так?

— А что ты имеешь против гаек? — У Хренова от возмущения вздыбились усы. — Без них ничего не шевельнется. На конях сегодня не больно-то навоюешь.

— Алексей Михайлович, я тихонько, разгону, утюжком проверю на виражах и сяду. Обкатаем «единицу», и ты с чистой совестью доложишь командиру о готовности.

— Слушай, Бес, я вижу, ты мужик нормальный, но недоговариваешь. Где родился, крестился не помнишь, а по самолетам любого из нас за пояс заткнешь. Так разве бывает?

— Еще как бывает, Алексей Михайлович...

— Во-во, я про это и говорю. Мы все тут по фамилии или, того хуже, по кличкам и позывным, а ты, мля, по имени-отчеству. В пажеском корпусе воспитывались, ваш благородь?

— ОВШ, товарищ старшина.

— Это что?

— Офицерская воздухоплавательная школа, Гатчина, 1914 год. «Фарман», «капрони» — мои кони! Их движки и сегодня с закрытыми глазами разберу-соберу.

— И звание имеешь?

— Штабс-капитан.

Воцарилась пауза. Нехорошая.

— Чего примолк, товарищ старшина? Это я на той войне был штабс-капитаном. На этой еще до рядового не дослужился. Угостишь еще?

Хренов молча разлил по кружкам остатки водки. Бессонов встал, хотел вытянуться, но уперся головой в потолок землянки. Прокашлялся и заговорил сильным голосом:

— Фашист напал на мою Родину... Я мог отсидеться в тепле и сытости... Через неделю взвыл... Готов был зубами грызть... Считай, на пузе сюда приполз... Делаю, что позволяют обстоятельства, но могу гораздо больше, поверь. Поможешь, спасибо. Отдашь Мырто-

ву — пойму. Но, выбирая свой вариант, помни, кому ты сделаешь лучше. За победу!

Бессонов выпил. Положил в рот маленький кусочек хлеба. Боднул седой головой так, что на обратном пути все же стукнулся головой о перекрытие. Хотел выйти.

— Куда, ваш бродь? Пстой, я еще своего слова не сказал.

Бессонов сел и внимательно уставился на старшину.

— Ты закусывай, Павел Григорьевич. На войне недоесть и недоспать всегда успеем. Теперь так. Вижу, водка сильно тебе в голову дала. Про «ваш бродь» — забудь. И про наш разговор. Не было ничего. Технику изучил и практику получил ты в ОСОАВИАХИМе, хотя бы в Балашихе. Не, лучше в Кишиневе, где и травмировался на всю голову. Понял, загорелый ты наш?

— Понял, чего не понять...

— Ты мне не понякай! Понял, говорю?

— Так точно, товарищ старшина.

— Другое дело! Завтра посмотрим на твой «утюжок»...

— Спасибо! Клянусь честью...

— Пустое!

— Для вас, Алексей Михайлович, понятие чести пустое?

— Я не про это... Да сядь ты! — старшина достал кيسет, скрутил не торопясь самокрутку, затянулся и на выдохе заговорил: — Я на белом свете давно. Внуку пятый год... Ты мог мне ничего не говорить, я в людях разбираюсь, подлость за версту чую. И твою офицерскую косточку рассмотрел давно, хоть ты и под дурачка работаешь.

— Где я прокололся, Алексей Михайлович? — Бессонов не поверил.

— Это и осанка, и форма, пусть старая, но сидит как влитая, не то что у моих охломонов... И еще как ты подрываешься, когда кто-то из укладчиц заходит в хату. Но это цветочки, а вот когда ты, увлекшись, начал говорить о двигателе и планере, у тебя на лбу было написано — инженер! Причем еще имперского разлива. Это у доходяги-то со справкой сельсовета?! А что не стал врать — молодец, — Хренов поплевал на окурки и растер его о каблук. Задумался. Не торопясь продолжил: — Я сам здесь потому, что не хотел отсиживаться в тылу, а рвался лично засвидетельствовать свое присутствие Гитлеру на фронте...

— Слушай, Алексей Михайлович, я сейчас себя поймал на мысли, что у тебя на лбу тоже не «слесарь» написано.

— Цыц, Бес. Считай, что я книжки неглупых людей читал.

— А быть у колодца и не попить — это как? — спросил Бессонов.

— Ты про фрицев? С винтовкой в окопе от меня толку мало будет. Кто-то должен криворуким уморазуму учить. А тебе, Бес, самому-то не страшно на незнакомом самолете?

— Еще как! Только почему незнакомом? Я тебе с закрытыми глазами любой тумблер, любой флажок и рычажок найду, не думая. Можешь любой вопрос про устройство задать...

Хренов, казалось, не слушал, а принимал очень непростое для себя решение. Потом твердо подытожил:

— Разобьешь — ты диверсант, я пособник. Расстреляют и как звать не спросят.

— Алексей Михалыч, взлечу, а ты сразу на капэ, мол, без спросу, собака!

— Чтобы тебя на земле конвой ждал?

— Сяду, скажу, движок проверял, чтоб командира не подвести. Прорвемся, Михалыч.

— На этом и постановим. А сейчас спать.

* * *

Утром к вертящемуся у самолета Бессонову подошел Мыртов.

— Красноармеец, ко мне!

— Вы меня, товарищ командир?

— Ты еще кого-то рядом видишь? Иди сюда!

Бес подошел, вытер ветошью испачканные маслом руки и устался на невысокого, широкого в животе чекиста.

— Доложите по форме! — практически взвизгнул Мыртов.

— Извините, товарищ оперуполномоченный, я — вольнонаемный. Премудростям устава не обучен.

— Чего у самолета командира полка делаешь?

— Он выполняет мои указания по обслуживанию борта номер один, — как из-под земли вынырнул стармех Хренов. — Могу объяснить конкретно, но для этого понадобятся технические знания. Они у вас есть? Слышал, у вас восьмилетка и ускоренные курсы по поимке шпионов.

— Ты, старшина, не забывайся! А цыгана твоего чтобы я у самолетов не видел!

— Может, вы мне поможете движки ремонтировать и пулеметы пристреливать? Вон роба лежит, переодевайтесь, для начала можно пулемет почистить.

Лицо оперуполномоченного побагровело.

— Старшина Хренов — сми-и-и-рно!!! Прекратить пререкания! У меня полковники на допросе плакали, как дети малые, а таких врагов народа, как ты, я лично к стенке ставил.

— Видел я таких, знаю, гад, твои способности, — буквально зашипел старшина, сжимая кулаки и нависая как скала над старшим лейтенантом. — Только запомни, сегодня не 37-й и мы не на Лубянке...

Тут уже Бессонов просунул плечо, загораживая стармеха:

— Не стоит, Алексей Михайлович, — и словно спохватившись, выпалил скороговоркой: — Товарищ старшина, ваше приказание выполнено.

Мыртов, почувствовав себя лишним, развернулся и, бурча под нос «я на вас, гадов, управу найду», с важным видом покинул техзону.

— Вот придурок, — проводил его Хренов. И, обернувшись к Бессонову, добавил: — Держись от таких подальше. И не стой как истукан, надевай парашют, пока он тревогу не поднял.

* * *

Взлетел. Ветер гнал мимо рваные облака, кое-где стало проглядывать солнце. Нервы оголены. Сердце поколотилось и успокоилось, и Бес через все органы чувств стал впитывать в себя самолет. Плавно опустил нос, пошел в горизонт и убрал шасси. Добавил оборотов. Скорость «Яка» росла так, что спинка сиденья ощутимо давила на тело. «Ого, уже 450... 500... 530...» — отметил Бес, убавил обороты и тронул ручку вправо-влево. Самолет послушно выполнил змейку. Вот это да! Восторг переполнял его... Крутанул бочку.

Попробовал горку. Эх! Машина была очень чувствительна и отзывчива на любые команды!

Бессонов запел любимый романс, поднял голову и вдруг на фоне солнца четко рассмотрел силуэты двух «мессеров». Судя по закладываемому ими выражу, фрицы заходили на него.

«Едрид-Мадрид! Утюжка не будет!»

Садиться поздно. Неизбежность схватки очевидна. Бежать бесполезно, у них преимущество в высоте и в скорости. Да и не привык штабс-капитан Бессонов бегать. Ручка на себя, полный газ и вперед, заре навстречу! Пошел в лобовую. Палец на спуске, глаза впились в прицел. Посмотрим, кто из нас стрелять умеет! У ведущего фрица зловещими огнями полыхнули пулеметы. «Дед» кожей ощутил, как буквально впритирку к фюзеляжу пронесся смертоносный свинец. Ответ был короткий и пришелся немцу прямо в фонарь. Разошлись плоскостями метрах в трех. «Мессер», не выходя из пике и даже не задымившись, врезался в землю. Ведомый вынырнул, буквально чиркнув плоскостями по верхушкам деревьев.

Теперь преимущество в высоте было у Беса. Крутой разворот... «Подожди, родимый, не убегай...» Фриц крутит башкой, потерял нашего из виду... «Вот он... Сейчас, родной, увидишь, не дергайся...» Полный газ и вышел «мессеру» в хвост. Резанул короткой очередью... «Мессер» задымил и пошел вниз... Пилот вывалился из кабины... Раскрылся... Добивать и не думал... Надо запомнить, куда отнесет...

Засмотрелся, блин, не заметил еще двоих желтоносых. «Смотри, как разрисованы! Разбежались грамотно... Один заходит, второй с высоты страшует. Правильно, не на параде... Пожалуй, опасней тот, что

сверху. От этого откручусь. Бьет издали, но, зараза, достаточно близко. Так я тебе и подставлюсь».

Закладывая виражи так, что голова готова была оторваться, Бессонов старался не терять из виду второго. Ждал, когда представится момент выйти на него. Догадался, что он не столько следит за боем напарника, сколько контролирует нашу взлетку. «Бить на взлете — себя не уважать, но у фрицев свои законы чести. Погоди, сейчас сброшу этот банный лист и поговорим».

Бес крутился как блоха на кончике шила. Казалось, он знал, когда немец откроет огонь, и за долю секунды до этого бросал свой «Як» в крутой вираж. Двигатель пел и подхватывал моментально. Потoki свинца проносились в нескольких метрах от самолета. В четвертой атаке пулеметы «мессера» заткнулись на полуслове. «Неужели до железки?» — подумал Бес и не увидел, а почувствовал кожей, что фриц отвалил.

Он сделал вид, что пошел за ним, но, уйдя в облака и набрав высоту, резко свалился в сторону второго. Тот, видно, что-то рассматривал внизу, поэтому маневр Беса заметил не сразу. Резко бросил свой 109-й в крутое пике. «Не догнать... Может, на выходе удастся зацепить. Не люблю поливать, как из лейки, но это, кажется, как раз такой случай...»

Бес нажал на кнопку электроспуска, и трассы его очереди пересеклись с самолетом врага в одной точке. Полетели осколки фонаря и обшивки фюзеляжа. Из двигателя повалил шлейф дыма. «ПКБЭСНБЭ!» — зарорал Бес и закрутил головой, выискивая прилипалу. Тот отходил в сторону фронта, а за ним, о чудо, уже устремилась пара наших «Яков». Когда успели взлететь? Вряд ли догонят, но хоть проверят, нет ли тут

кого еще. Бес вздохнул с облегчением: куда спокойней, когда рядом кто-то из своих.

Вдруг неожиданно ожила рация:

— «Первый», я «Сокол», домой!

— «Первый» понял, — автоматически ответил Бес, и тут до него дошло, что ответил он на позывной командира полка. Станция была на запасной частоте! И еще понял: с одной стороны, гора с плеч — выкрутился и самолет сберег! С другой — кажется, тихая вылазка «утюжком» блестяще провалилась и может вылезти боком ему и Михалычу.

Сразу почувствовал, как взопрела гимнастерка на спине, вытер рукавом пот со лба. Огляделся. Сориентировался. Аэродром километрах в восьми. Сбросил обороты, постарался успокоить сердце.

Сел. Порулил не на стоянку, а в капонир к технарям. Увидел, как со стороны стоянки самолетов и от штаба уже собирается толпа. Выскочил на крыло, стал расстегивать парашют. Внизу стоял Михалыч, остальные няньки стали рассматривать самолет.

Спрыгнул и сразу попал в объятия стармеха.

— Ну ты, штабс, даешь! Такого в жизни не видел! Вали все на меня, мол, велел и все такое, — зашептал он в ухо.

Подошли остальные механики.

— Ни единой пробоины... Ты что, Бес, заговоренный? Мы же видели, как тебя «мессер» поливал... Когда ушли в облака, а потом взрыв, думали, больше не увидим...

— Так я же знаю, чей аппарат. Не мог же я оставить командира полка безлошадным, — неуклюже попытался отшутиться Бессонов, боковым зрением наблюдая, как к ним приближается дюжина летчиков и штабных.

Те подошли, усталились на технарей и замерли в недоумении. Они ожидали увидеть кого-то из своих, а тут стоят два деда: один в грязном, замасленном комбинезоне, другой в мокрой, хоть выкручивай, гимнастерке. Раздвигая остальных, вперед выдвинулся командир полка, недавно назначенный из комэсков 28-летний майор Павлов. За его спиной маячили комиссар и Мыртов. Куда без них?

— Так, идите сюда, голуби, — в глазах командира недоумение и злость, но сдерживается.

Подошли. Бессонов опустил взлохмаченную седую голову, Хренов сиял, как надраенная бляха молодого солдата.

— Это что было? Почему без разрешения? Чего ты лыбишься, Хренов?

Стармех выдвинулся вперед, загоразивая собой Бессонова, заговорил:

— Так мы с вашего разрешения обкатали аппарат после небольшой доработки. Вы сами сказали, возьми кого-нибудь, пусть облетают. А вы всех летчиков на политзанятия. Вот я и разрешил Бессонову — он в Кишиневе в ОСОАВИАХИМе летал... Без связи вначале... Так мы на запасной, хотели тихонечко над аэродромом, чего эфир засорять...

— Трех «мессеров», это, по-твоему, тихонечко?!

— Кто же их, собак, звал! Свалились из-за облаков... Пришлось выкручиваться...

В толпе послышался смех. «Нам бы так уметь выкручиваться», — шумели летчики. Совсем другими глазами рассматривали «деда».

— Ты чего прячешься, как тебя... Бессонов? Выходи, докладывай.

Деваться некуда.

— Совершал облет самолета. Был атакован. Трех сбил, один ушел. За ним погналась наша дежурная пара. Один из сбитых приземлился на парашюте в районе Мартыновки. Самолет исправен. Отказов в работе двигателя и вооружения не установлено. За самовольство готов понести наказание...

Командир полка, на счету которого было четырнадцать сбитых фашистов, оглянулся на летчиков:

— Вот все бы так самовольничали! Качай его, мужики!

Словно прорвало плотину — Бессонова подхватили на руки и раз десять подбросили вверх. Тот не сопротивлялся, но не на шутку переживал, как бы не забыли поймать. Потом поставили и почти все без исключения, начиная с командира полка, подошли, отдали честь и пожали руку. Механики чувствовали себя именинниками — сияли как новые пятаки. Их тоже поздравляли, в отличие от Бессонова, хлопали по плечам, обнимали и твердили: «Ну вы, няньки, даете!» Обходили и рассматривали самолет.

Командир отвел Бессонова в сторонку и заговорил:

— Ты хоть знаешь, с кем имел дело?

— «Мессершмитт-109»... — начал было докладывать провинившийся, но командир прервал его.

— Я не про машину. Это стервятники из личной эскадрильи Геринга. У всех железные кресты за сбитые. Уже неделю на нашем участке. Сегодня пришла шифровка. Делают засады у аэродромов и долбят на взлете или при возвращении. У соседей вчера практически дома сбили четверых. Приказано усилить наблюдение, маскировку и продумать контрмеры. Я как раз летчиков собирал для этого и полеты прикрыл. Получается, пока мы думали, ты на практике пока-

зал... Все бы ничего, только как в дивизию прикажешь докладывать?

— Так и доложите, мол, обкатывали свой самолет... Кстати, двигатель ожил, никакого перегрева!

— Тебя механики, слышал, Бесом нарекли. За кого ж ты, Бес, меня держишь?

Бессонов понял, что гроза прошла мимо, и решил ковать железо покуда горячо:

— Вы для меня — товарищ командир. Летчики и механики вас уважают не за должность и звание. Я тоже. И прошу, как летчик летчика, разрешите мне летать. Поверьте, в воздухе от меня пользы будет больше, чем в техзоне.

— Не знаю. Что летчик — вижу, мне таких до зарезу не хватает... Но полк, сам знаешь, получает новые самолеты. Мыртов мне уже нудил на тему, что непонятно кто у самолетов ошивается, а ты, оказывается, еще и летать умеешь. Боюсь, не одному мне он по ушам ездит. Спасибо, комэски хвалят за подготовку и пристрелку вооружения. Хором просили его заткнуться.

— Возьмите меня ведомым. Проверьте в бою. Клянись честью, не подведу.

— Я бы не против, но хоть какой-то документ у тебя есть? А то: «все сгорело, контузило и ничего не помню...»

— Документов нет. Есть справка из сельсовета.

— Вот и повесь ее на гвоздик, сам знаешь где. Твой сельсовет уже под немцем, поди? Решение такое: пока — нет, а дальше видно будет.

Увидел, как изменился в лице и погрустнел Бессонов, добавил:

— На ужине в летной столовой обмоем твои «мессеры», как положено.

Неожиданно в голосе седого солдата из униженно-просительных прорезались нотки металла:

— Прошу уволить. Рядовому составу как раз не положено в летной столовой. Мне, с вашего разрешения, было бы сподручней со старшиной Хреновым и другими механиками отметить.

— Приказ командира не обсуждается!

— Нет, товарищ командир. Воспользуюсь своим правом вольнонаемного. По доброй воле не пойду.

— Не понял. Может, обидел кто?

— На обиженных воду возят... А мне в кустики надо, — Бессонов срочно сменил тему разговора. — Мне приспичило, когда первого фрица увидел, все никак не добегу...

Он действительно рванул в сторону ближайших деревьев, за которыми вскоре и скрылся.

Павлов закурил. Прибежал дежурный:

— Вас «Коршун» к аппарату...

Командир оглянулся, все еще надеясь захватить Бессонова с собой. И с мыслью «во как бедолагу проняло» запрыгнул на подножку машины и поехал на КП.

* * *

— Павлов, твою мать, я же приказал — никаких вылетов! — устремил на кэпа поток красноречия комдив. — Ты знаешь, кого сбил?! Самого Хартинга! Густава Хартинга! Только привезли... Говорит: 104 победы в воздухе! Он, сука, целую дивизию сбил! Врет, наверное, собака! Он поражен и восхищен. Называет фамилии еще двух сбитых, но я их не знаю. Хочет, видите ли, с русским асом познакомиться, который их расстрелял в воздухе! Обойдется! Много чести! Ну,

чертяка, у тебя же одного сбитого до героя не хватало, а ты сразу троих! Сегодня же отправлю представление... У меня командующий армией на проводе, потом договорим...

Когда в телефоне послышался отбой, майор Павлов положит трубку и задумался. Крепко задумался.

— Я все слышал, — сказал неизвестно откуда взявшийся комиссар. — Одно дело — ты вылетел обкатать свой борт, совсем другое, когда механик угнал. Даже не механик... Тут и политико-моральное состояние, и служба войск, и организация полетов — все в полном расстройстве. Под трибунал не отдадут, а с должности слетишь. Подумай, командир.

— Что ты предлагаешь?

— Сам знаешь. Бессонова заткну, не пикнет, не переживай. С ним сейчас Мыртов работает.

— Вот за Беса я как раз меньше всего переживаю. Он первый предложил мне именно такой выход.

— Ну и прекрасно. А с комэсками я поговорю, пусть молодежи языки укоротят.

— Заодно и мою совесть укороти, — зло бросил Павлов. — Мы с тобой — офицеры, поговаривают, скоро погоны вернут, не знаешь для чего? Я думаю, чтобы мы гордились, помнили и продолжали лучшие традиции русского офицерства. А те за потерянную честь пулю в лоб себе пускали. Неужели не читал? Бес летать мечтает... Таких стервятников приземлил... Ты хоть понимаешь, что это за летчик! — потом, словно очнувшись: — Чего Мыртову от него надо?

— Так самолет угнал...

— Где они?

— Мыртов поспрашивает и отпустит. Заодно страху в штаны добавит, чтобы не лез куда не надо и пасть заткнул.

— Андрей Семенович, ты же сам летчик. Недавно «душой солдата» стал. Неужели ты его не понимаешь?

— Командир, начальник штаба вчера доводил приказ о повышении бдительности и все такое... А тут, как ни крути, налицо самоуправство.

— Ладно. Лично разберусь. Вы с Мыртовым Беса не трогайте. А потом, поверь на слово, мы еще будем гордиться, что служили с ним в одном полку.

Вбежал дежурный:

— Комдив запрашивает разрешения на посадку.

Командир полка с комиссаром пошли встречать.

* * *

— Как не ты? — комдив удивленно уставился на Павлова. — А кто? Лукин? Мелешко?

— Есть у меня один уникам. Он даже и не летчик по штату. Механик. Умоляет разрешить летать, а у него ни одного документа.

— Умеешь ты, Павлов, праздник испортить. Я ему Героя и назначенный под особый случай «Арарат», а он мне — «не я»! Вспомни, когда ты мне про три сбитых «мессера» докладывал? Не про три потерянных, а три сбитых, твоим полком? Не помнишь? И я не помню... Покажешь?

— Что?

— Не что, а кого. Я про уникам твой.

— Андрей Семенович, — повернулся командир полка к комиссару, — приведи сюда Бессонова.

— Не, я тебя понимаю, потери большие, молодежь — зеленый, но не механиков же сажать в истребители. Хотя, если у тебя все механики такие...

— Не все. Врать не буду...

Командир не успел закончить, в дверь постучали. В проеме показался старшина Хренов в своем замызганном комбезе и белых от пыли сапожищах.

— Разрешите войти, товарищ полковник?

— А, Хренов, здорово.

Комдив встал навстречу и протянул руку своему бывшему механику.

— Проходи, рад видеть. Чего грустный такой? Хата сгорела?

— Я виноват. Судите меня за самоуправство, а Бессонова отпустите, — казалось, еще чуть-чуть и здоровенный мужик заплачет.

— Так, Михалыч, успокойся, присядь. Говори, что случилось.

— Мыртов разбил Бессонову нос и посадил в подпол, на гауптвахту, охрану выставил. Ждет, когда за ним опергруппа приедет. Уже настучал... Нельзя Беса в Особый отдел. Не за что. Я виноват, с меня и спрашивайте.

— Будет за что, спросим... Где эта гауптвахта? Пошли...

* * *

Щурясь после темного подвала, Бессонов разглядел командира полка и незнакомого полковника рядом. Вид у Беса был, мягко говоря, не очень. Разбитые губы, синяк под глазом и распухший нос без лишних слов показывали, как прошел первый допрос.

Одернул гимнастерку, на которой каплями запеклась кровь, застегнул верхнюю пуговицу. За их спинами мялся Мыртов, в углу за столом, опустив голову, сидел Хренов. Ничего хорошего для себя от этой встречи он не ждал. Замялся в нерешительности.

Полковник первый нарушил неловкую тишину:

— Что молчишь, уникам?

— С вашего позволения, Бессонов Павел Григорьевич. Извините, что в таком виде...

— С вашим видом разберемся позже, — полковник оглянулся на оперуполномоченного и неожиданно перешел на «вы»: — Скажите, как вам удалось сбить трех фрицев за один вылет?

— Боялся, что больше не дадут, поэтому оторвался от души.

— Нормальный ход! Он еще и юморит!

— Простите, я вас не знаю... В смысле рассказывать как летчику или как прокурору?

— Перед тобой, Бессонов, комдив. Выключай дурака и говори по-человечески, — вмешался командир полка.

— Простите, товарищ комдив, — Бессонов щелкнул каблуками, боднул головой. — Виноват, но...

— Что еще? — начал терять терпение майор Павлов.

— Наш разговор был бы гораздо продуктивней, если бы товарищ оперуполномоченный подождал за дверью.

Комдив повернулся к Мыртову:

— Иди, доложи майору Васильеву, что выезд опергруппы отменяется... Ну, присаживайтесь, товарищ Бессонов.

Бес сел поближе к Хренову, тот шепнул:

— Говори как на духу. Им можно...

— Тогда так. Очень хотел показать старшине, что умею не только гайки крутить. Уговорил. У меня летный стаж больше, чем многим нашим пилотам лет. И боевой опыт тоже. Первая мировая, Испания, Китай... 16 освоенных самолетов. Боевые вылеты не

считал, а сбитых лично на сегодня 43. Первый на «фармане» в октябре 1914 года. Из «нагана» прострелил голову наглому фрицу, последние — сегодня. Не скажу, что легко, вернулся весь в мыле, но «Як-1» — это сказка, а не самолет! Не бить на нем немцев — грешно! Детали не спрашивайте, чтобы зря не попасть под раздачу, но знайте — никогда и ничего я не делал во вред своей родине.

— Офицер?

— Да.

— Почему не в Красной армии?

— Когда наши бывшие дворовые убили отца и пошли на маму и сестру с вилами, пришлось двоих пристрелить. Потом долго бегали по пылающему югу. Сумел вывезти их в Париж. Эмиграция, будь она проклята.

— А как здесь оказались?

— Коротко? Я с фашистами познакомился в Испании. Оккупацию Франции застал в Марселе. Когда Гитлер попер на Россию, я на пароход и в Турцию, потом Тегеран. Уговаривал наших взять с собой, но нарвался на брата Мыртова. В смысле, такого же. Арестовали, допрашивали и выпустили еще краше, чем сегодня. Нашел контрабандистов, обещали переправить, но ограбили и продали... плен... зиндан. Полгода ломали, чтоб веру сменил. Когда уже колени опухли и ходить не мог, отпустили, чтобы отполз и сдох где-нибудь в канаве. А я пополз к границе. Без документов и денег. Только здесь узнал, что фриц уже на Дону. Остальное вы знаете...

— Звания? Награды?

— Французские, испанские и китайские не считаю. От Родины получил три ордена и звание штабс-капитана.

— Почему сразу не рассказали?

— Кому? Мыртову? Хватит, насиделся в яме — летать хочу. Фашистов бить хочу. Сегодня я глубоко удовлетворен, если завтра расстреляют, умру спокойно — что успел, сделал. Извините за пафос.

Воцарилась неловкая пауза. Свалившаяся информация требовала анализа. Только Хренов приободрился и под столом показал Бессонову большой палец. Тишину нарушил комдив:

— Павел Григорьевич, я правильно назвал? Вы сами как видите свое место в полку?

— Я уже просил командира взять ведомым... Хоть рядовым, хоть без звания. Буду летать куда и когда угодно. Личный счет, награды, звания — по боку. Только доверьте. Выгоните, пойду к штурмовикам проситься в стрелки. Я самолет и оружие чувствую на уровне рефлексов. Не знаю как, но это есть.

— Густав Хартинг сегодня подтвердил...

— А вы его откуда знаете?

— Интересное дело! Вы же сами его сегодня завалили!

— Хартинга?!

— Вы что, знакомы?

— Третий раз пересеклись, и все для него неудачно. А так, я знаю, он летчик неплохой. В десятке лучших асов люфтваффе. Железный крест с дубовыми листьями — это наш дважды Герой!

— Кстати о наградах. Кэпа я уже представил. Он и без этого заслужил. Не сегодня завтра норму выполнит. А вас, отважные голуби мои, награжу лично. Где мой порученец?

В комнату зашел ладный сержант с рюкзаком и «ППШ».

— Я здесь, товарищ комдив.

— Доставай медали «За отвагу». Иди сюда, Хренов. Держи. Заслужил. Завтра командир перед строем повторит процедуру.

— Служу Советскому Союзу, — отчеканил Хренов.

— И вам, Пал Григорьевич, медаль «За отвагу». Думаю, не последняя...

— Не надо медали, разрешите летать. Хотя бы еще один раз.

— Повторяю: рядовой Бессонов награжден медалью «За отвагу». Потрудитесь получить...

— Служу России!

— Не по уставу, но хрен с тобой! Я не про тебя, Михалыч, успокойся.

Полковник вздохнул с облегчением и повернулся к порученцу:

— Сидоренко, у тебя в рюкзаке больше ничего нет?

— Обижаете, товарищ комдив.

Сержант споро достал и поставил на стол бутылку «Арарата», шмат сала, луковицу и буханку хлеба. Моментально выхватил финку и с мастерством повара нашинковал закуску. Как из воздуха на столе материализовались четыре кружки.

— Чего уставились? Не знаете, как награды обмыывать? Павлов, помоги.

Кэп вынул из коробок медали и положил на дно кружек. Открыл бутылку и налил по полкружки каждому. Комдив поднял свою и уставился на старшину:

— Начинай, Михалыч.

— Что?

— Все-то вас учить надо, пиджаки.

— Позвольте мне, — подал голос Бессонов.

На него с интересом уставились все присутствующие.

— Валяй, — позволил полковник.

Бессонов встал, грудь колесом, плечи развернуты, двумя пальцами взял кружку, локоть на уровне плеча.

— Товарищи офицеры и старшины, рядовой Бессонов, представляюсь по случаю награждения медалью «За отвагу», — он опрокинул кружку и тремя большими глотками выпил содержимое. Медаль осталась в зубах. Стряхнул ее и отдал старшине. Тот вначале не понял, но комдив глазами показал, что нужно делать. Хренов застегнул медаль на гимнастерке Бессонова.

Старшине не требовалось показывать дважды, и вот уже командир полка пристегнул медаль прямо ему на робу. После чего сказал:

— Мне пока рано представляться, но я горд, что в полку имею таких бойцов. За вас!

— Я тоже рад и горд, что у тебя, Павлов, появился такой летчик! За тебя, моя нянька, за тебя Пал Григорьевич, и смотри, чтобы взлетов и посадок у тебя было ровно одинаково. Лично проверю!

* * *

Ночь уже полностью вошла в свои права, когда два подвыпивших военных вышли из хаты оперуполномоченного полка. Молча дошли до техзоны. Вдруг Хренов, как гончая на охоте, почувяв птицу, замер и поднял указательный палец:

— Стой, кто идет! Стой, стрелять буду!

— Я и так стою, чего пугаешь, товарищ старшина? — отозвался женский голос.

— Шурка, ты? — удивился Хренов. — Что надо в такую пору?

— Ничего мне не надо. Пирожки вам принесла.

— Вот, Бес, — женщина! Если бы не внуки, я бы за нее любого порвал. Большое тебе, Шура, рабоче-кре-

стьянское спасибо. Только скажи, за что нам — убогим — такая честь выпала?

— Так летчики в столовый праздновали три сбитых, а сбили, говорят, вы. Девочки ко мне: отнеси... Ну, я вот...

— Добрый вечер, Александра Васильевна, — впервые подал голос Бессонов. — Извините за вид. Очень мило с вашей стороны...

Хренов довольно бесцеремонно забрал из рук поварихи платок с пирожками, толкнул плечом дверь и пробурчал:

— Сама бы ты не догадалась...

— Искренне благодарю вас за внимание, — заговорил Бессонов, но девушка не дала ему договорить:

— Я не знала, что это вы. Никто не знал. Но после наркомовских за столом летчики «Бес да Бес», потом опять за него, стоя. Как узнала, что это ваш позывной, так стало приятно, как будто это меня хвалят. Схватила, что под руку попало, и сюда, — одним духом проговорила Шура. — Хотела убедиться, что вы цел и здоров... А что это у вас с губой?

— Поскользнулся, Александра Васильевна.

Она протянула руку и коснулась его щеки. Бессонов неуклюже отстранился.

— Не бойся, Бес, не укушу, — рассмеялась Шурка. — Только знай, что я пирожки в землянку еще никому не носила.

С этими словами она сорвалась с места и растворилась в темноте.

— Ну и придурок ты, штабс, — проговорил Хренов с набитым ртом, когда Бессонов зашел в землянку. — За Шуркой кто только не бегал, а она только посмеивалась. Сегодня к тебе сама пришла, а ты даже не удосужился проводить. Не нравится или ты не мужик?

— Не заводись, Алексей Михайлович. В том-то и дело, что нравится. Не могу я своим необдуманным поступком скомпрометировать девушку...

— Я же говорю — дурак, ваш бродь... Да она мечтает, чтобы ты ее, как говоришь, ском-про-мен-ти-ро-вал.

Хренов завалился на кровать и как бы сам с собой заговорил, глядя в потолок:

— Вот женщины на фронте... Конечно, лучше бы сидели дома, но как без них... Молодые, нецелованные... лезут в самое пекло... Опять же — дело молодое... Иная, только заговори и за руку возьми... Иная из жалости приласкает... Шурка — нет! Такие, как она, пока не полюбят, к руке прикоснуться не дадут... Эти настоящие...

Старшина замолк, вскоре его раскатистый храп наполнил землянку.

* * *

На следующий день у Бессонова появилась летная книжка и удостоверение личности. Просил «наган», выдали пистолет «ТТ». Занесли в полковую книгу и поставили на все виды довольствия. Но жил и питался Бес по-прежнему со старшиной и другими техниками. Летчики звали его к себе, но он был непреклонен.

Полковые всезнайки разделились пополам: одни намекали на белую кость, другие — на неразделенную любовь: мол, Шурка — официантка, красавица и хохотушка, уж больно донимала Бессонова еще в бытность его помощником при кухне. Он ее боится. А всем известно: если боится, значит, любит. Это поварахи и укладчицы парашютов приговорили окончательно и бесповоротно.

Из техзоны Бессонов вышел только на постановку задачи. На прикрытие переправ выходила первая эскадрилья в составе шести «Як-1». Одного заболевшего летчика и подменил Бес.

— Пойдешь с Лукиным. Смотри не потеряйся...

— Есть, товарищ командир, не потеряюсь, — ответил Бессонов, но по глазам было видно, что он хотел сказать совершенно другое.

— По самолетам!

— От винта!

Взлетели, ушли. До завязки боя в эфире тишина. Прошло полчаса.

Майор Павлов мерил КП по диагонали и смолил одну папиросу за другой.

Вдруг эфир ожил.

— На подходе «лаптежники»! Работаем по головному, заходим от солнца! Делай как я... Внимание! Слева выше 500 восемь «худых»... Расходятся... Муха, Слива — продолжайте по «лаптям»! Бес, атакуем «мессеры»...

А дальше радиообмен боя с криком, матом, звуком очередей... Командир полка не выдержал:

— «Вторая», по самолетам! Взлет по ракете!

Комэск-2 Мелешко выскочил из командного пункта.

В какофонии боя четко слышались слова Лукина:

— Горит желтоносый! Уходи, Бес! Слева! Слева!!!

— Вижу, пусть попробует... Мазила... Проскочил...

Он перед тобой, работай, командир! А теперь я подправлю... ПКБЭСНБэ!

И опять Лукин:

— Отвернули «лаптежники»! В круг! Хлопцы, в круг! Где Мухамедов? Муха, отзовись! Муха!

— Муха здэс... Бак пробил... Попробую дотянуть...

Опять Лукин:

— Куда, Бес?! Ах ты, сука!

Короткая очередь... И опять:

— ПКБэСНБэ!!!

Эфир затих. Это вышел комдив:

— Я — «Коршун», спасибо от пехоты. Молодцы, соколики! Домой!

— Есть домой! — ответил Лукин. — Бес, ты где?

— Я с Мухой, командир. Прикрою...

— Давай. Остальные за мной.

Эфир замолк. Кэп вздохнул, дал отбой «второй» и свалился на стул. Вскоре послышались звуки моторов — вернулась «первая». Пока четыре. На капэ вбежал Мыртов:

— Беса нет!

— Знаю, — ответил командир, — он Мухамедова сопровождает, не волнуйся, скоро будет!

Зашел красный и мокрый Лукин, приложил руку к фуражке:

— Товарищ майор...

Однако командир махнул рукой и показал на стул рядом:

— Садись, Вить. Давай закуривай. Помолчи...

Наконец послышался еще звук моторов — села еще одна пара. Командир посмотрел на руководителя полетов, тот показал большой палец.

— А вот теперь докладывай, горячий ты мой!

— Один «лапоть», три «худых»! Главное — и сами, и переправа целы! «Коршун» спасибо сказал.

— Я слышал. Как Бес?

— Я про него и хотел. Но у меня нет слов. Я мазал, а он у меня практически между ушами добивал. Очереди короткие и прямо в фонарь. Не вру. Ни один не

выпрыгнул, а я чуть не обосрался. Да это что! Как он увидел фрица, который Муху хотел добить? Я своих считаю, а он срывается в вертикаль и загасил его метрах в трехстах от Мухи... Точно — Бес!

— Пойдем послушаем, что твои орлы скажут.

Окруженные другими пилотами вернувшиеся из боя эмоционально что-то рассказывали, резали воздух ладонями, мелкими шажками крутились вокруг собственной оси. Увидев командира полка, изобразили что-то похожее на строй, замолкли. На левом фланге занял свое место Бессонов.

— Ну, орелики, докладывайте.

— Комдив сказал, что мы «соколики», — подал голос самый молодой летчик эскадрильи младший лейтенант Давлетшин, чернявый крепыш с черными как смоль вьющимися волосами. Позывной — «Гамлет».

— Так кто завалил «лаптежника», соколики?

— Лэйтэнант Мухамэдов, товариш командыр. На выходе сам попал под очеред сосэда. Бак пробил шакал...

— А ты, «Гамлет»?

— Я тоже попал... наверное. Думаю, упадет... потом. Я бы добил, но они сразу отвернули и домой. Приказа догонять не было.

По строю покатился смех.

— Ты бы дал, если бы он тебя догнал...

— А вы что скажете, Бессонов?

— Прикрывал комэска. Наблюдал, как он сбил двух «мессеров». Потом с разрешения командира прикрыл лейтенанта Мухамедова. Не потерялся. Благодарю за доверие.

— Зачэм молчыш? Нэхорошо. Я фрыца заметил, когда он уже задымыл... Спасыбо, вэк не забуду...

— Я же сказал — прикрыл!

Командир полка внимательно вглядывался в лицо Беса. Тот был чем-то недоволен, но спокоен, словно вышел из столовой, а не вернулся из кровавой мясорубки.

— Тут мне комэск немного по-другому доложил. Говорит, ты завалил и два других.

— Нет. Сбивал командир... Я только для верности — контрольный по кабине...

— А что ты там орал — НКБэ...

— Извините... Дурная привычка. Пустое.

— А недоволен чем?

— Чему радоваться?

— Задачу выполнили, все целы. Что еще для счастья надо?

— Извините, но я не понимаю, почему мы их отпустили. Из двенадцати «юнкерсов» одиннадцать вернулось на базу... Сейчас заправятся, кофе попьют, опять понесут свои бомбы на голову пехоте, а мы будем радоваться, что целы?

В строю вдруг прекратились смешки, все внимательно слушали Беса.

— Мы истребительный полк? — продолжил негромко Бессонов. — Если так, то должны истреблять! Увидел — уничтожь! Любой ценой. Хоть ценой жизни. Ни один не должен уйти!

— А как же прикрытие? — не мог угомониться «Гамлет».

— Не более чем отвлекающий фактор. Собака лает, караван идет! Бомберов приземлили, тогда и с «худыми» можно в догонялки поиграть. А так: увидел — уничтожь! И никак по-другому! Извините за резкость.

— Легко сказать... «отвлекающий фактор» срежет, не успеешь «мяу» сказать, — засмеялся кто-то из молодых летчиков.

— А ты не подставляйся и не мажь, истребитель...
Вмешался кэп:

— Разговорчики в строю! Всем отдыхать. Няньки, через полчаса — готовность номер раз. Бессонов, ко мне. Разойдись, — он повернулся к Бесу. — Я смотрю, в тебе агитатор умер. Во загнул, — сказал командир, закуривая папиросу.

— Я не загибал, товарищ командир. Будь моя воля, ни один бы не ушел...

— Не горячись, Пал Григорьевич. Ты по себе ореликов не суди. Вернулись, и на том спасибо. Надеюсь, и с твоей помощью окрепнут, станут на крыло, мы обязательно всю эту нечисть приземлим.

— В этом-то я не сомневаюсь. Вопрос: когда и какой ценой? — Бессонов вдруг сменил тему: — Товарищ командир, есть предложение.

— Нет возражений! Только вечером...

— Я не об этом. А вы не хотите отбить охоту у фрицев делать засаду у нашего аэродрома?

— Думал, но как?

— Контрзасада!

— Не понял.

— Вы поле за Курделевкой видели? Сажаем там дежурную пару. Там лесок, можно спрятаться. Вокруг аэродрома — наблюдателей с биноклями. Заметят кого — сигнал в Курделевку. Фрицы за нашей полосой наблюдают, а тут — сюрприз! И не сухие и без боеприпасов, а очень даже жаждущие потанцевать...

— А что? Вариант... Надо обмозговать...

— Я сам готов. Дайте мне «Гамлета». Заодно и обкатаю.

— Пал Григорьевич, ты прямо на ходу подметки режешь... Не будет большой задачи от комдива, сделаем. Завтра. А сегодня вечером не забудь в столо-

вую, — командир потушил папиросу и внимательно посмотрел в лицо Бессонова. — Или ты действительно Шурку боишься?

— Товарищ командир, прошу...

— И слушать не хочу! А то у меня возникает ощущение, что вы, штабс-капитан, нами брезгуете.

— Нелогично. С технарями не брезгую, а с летчиками — да? И про Александру Васильевну вы напрасно...

— Ну, так скажи!

— Вы сами мне напомнили мое звание. Оно для меня не только гордость, но и обязанность. Честь дворянина и офицера меня обязывает получить сатисфакцию с человека прежде, чем сесть с ним за один стол. Поэтому извините.

— Ну что ты будешь делать? Морду набить — не вариант. Плюнь ему в харю и всех делов! — командир глянул на опустившего голову Беса. — Давай так. Я гарантирую, что Мыртова за столом не будет. Придешь?

— Приду. Только пригласите, пожалуйста, и Хренова.

— С удовольствием.

Бессонов пожал протянутую руку командира и, обходя группу все еще толпящихся летчиков, поспешил в сторону техзоны. Когда он подходил к своему самолету, там крутились несколько механиков и Хренов. Тот дурным голосом прокричал: «Смирно!» — и, грозно топая сапожищами, пошел навстречу. Бес прервал концерт, неожиданно обняв старшину и прошептал на ухо:

— Спасибо, дорогой Алексей Михайлович.

Когда тот отстранился, то увидел у всегда выдержанного и сухого друга в глазах слезы.

— Ты чего, Пал Григорьевич?

— Извини... Накатило... Просто я сегодня счастлив...

* * *

Эту картину наблюдали издали летчики. Курили, смеялись. Радовались хорошей погоде, удачному боевому вылету, молодости, наконец. Век бы так! Разговор у них был свой.

— Хлопцы, а чего Бес нас сторонится?

— Я бы тоже таких стрелков, как ты, обходил за километр, — высказал свою гипотезу комэск. — Ты сколько выпустил по «лаптежнику»? Весь боезапас? А попал?

Летчики вокруг засмеялись.

— А он — три короткие очереди и три «мессера»! Я не то что такого не видел — не слышал о таком. А почему? Мы с вами стоим, готовимся к обеду, а он, гляди, уже к пулеметам с ключом полез...

— И то правда, айда, хлопцы, с няньками побалакаем.

— Камандыр, а кто Бесу глаз подбыл? — поинтересовался вдруг Мухамедов у Лукина.

— А тебе-то что?

— Нэ скажи. Тэпэр это очень мой дэло, — многозначительно протянул горячий кавказец.

* * *

Еще один не менее интересный разговор происходил в столовой.

— Девочки, у нас вечером праздник. Отмечаем четыре сбитых. Командир наказал приготовить еще два

прибора, — заявила зав летной столовой пышнотелая Любовь Яковлевна, вернувшись с КП, куда ее вызывал командир.

— Это для кого? — поинтересовалась бойкая на язык Шурка.

— Для твоего... для твоего... Говорят, он три из четырех завалил. Вот тебе и доходяга! Вот тебе и «дед»!

— Какой он доходяга? — загорелась щеками кареглазая красавица, которая одним взглядом могла отшить любого ухажера.

— Откормить — дело нехитрое. А как насчет «деда»?

— Люба, «дедом» его никто, кроме тебя, не зовет.

— А как же?

— По позывному — «Бес»!

— Ну, тебе виднее, «дед» он или бес...

Дружно захихикали поварахи и официантки, потому как разговор велся на всю кухню и столовую, где каждый занимался своим делом, но за новостями следил строго.

— Да я не против посмотреть, только он от меня — как черт от ладана...

— На то и бес!

Хи-хи-хи-хи...

— Да ну вас, девочки...

* * *

— Ты до сих пор считаешь его диверсантом? — спросил командир полка Мыртова.

На КП, кроме них, был только дежурный, да и тот изображал, что сильно занят заполнением каких-то журналов.

— Помещик, белогвардеец, белоэмигрант. С каких пор он стал для нас своим?

— Мухамедов так не считает. И Хренов. И Лукин. И другие летчики, кто видел его в деле. По-моему, он все уже сам доказал.

— А я не верю. У соседей такой же мутный новейший «МиГ» угнал. Командир с оперуполномоченным пошли под трибунал. Так что я не за себя одного переживаю.

— За себя я сам отвечу. А тебе бы я посоветовал... извиниться. Просто по-человечески.

— С чего бы? Он врал мне, собака, а я еще извиняться должен!

— Ну что ты закусил удила? Предателей полно даже из партийных, не говоря о простых рабочих и крестьянах. Воюют не анкеты, а конкретные люди. Бес повидал такое, что не дай бог. Сорок четыре, а он седой как лунь. Помнишь, каким он к нам попал?

— Ты оперсводки внимательней посмотри, командир. Абвер такие комбинации разыгрывает, что нам и не снилось. И вообще, я считаю, лучше перебдеть...

— Ну, бди... Только сегодня поужинай у себя в хате. Летчики хотят поздравить Бессонова. А о наших разговорах тебе стукачи потом доложат.

— Недальновидно себя ведете, товарищ командир, — многообещающе процедил сквозь зубы оперуполномоченный и вышел с КП.

У двери столкнулся с комиссаром.

— Чего это Мыртов такой злой?

— Орден хочет, а я не даю.

— Из-за Бессонова?

— Из-за кого же еще?

— Я тут Лукина послушал — удивительно. В дивизии подтвердили четыре сбитых, ждут наградные. Предлагаю Лукина на Знамя, а Мухамедова — на Звезду. Бес позавчера получил.

— Ладно, Бес первых два на Луку валит, но третьего он точно сам завалил. Не по совести.

— Во-первых, я думаю, еще не вечер. Это только второй вылет. Во-вторых, давай не будем гусей дразнить. Пока мы с тобой награды обсуждаем, Мыртов опердонесение строчит.

— Давай так: мухи отдельно, котлеты отдельно. Что будет завтра, не знаем ни ты, ни я. Сегодня он совершил подвиг, должен получить по заслугам — «Отечественную войну»...

— А в наградном так и напишем: красноармеец Бессонов в одном бою сбил три «мессера»?

— Да, так и пиши. И не забывай, что накануне было еще три! Ладно, давай на Луку два, а один на него. Бес сегодня за Носачева летал. На его «яшке». Завтра он выздоровеет, на что посадим? Вот о чем надо подумать.

* * *

Опергруппа прибыла как раз под вечер. Начальник контрразведки армии майор госбезопасности Васильев уединился с Мыртовым на скамейке под березой. Два дюжих бойца с «ППШ» мялись неподалеку, карауля, чтобы никто их не побеспокоил.

— Интересная деталь с допроса Хартинга: он дал понять, что знает, кто его сбил. Мы ему про Павлова, он — нет. Мол, почерк аса знакомый, встречались в воздухе Испании и во Франции, и называл его фамилию — Оболенский. Граф. Отсюда вопрос: тянет твой Бес на графа? Что он недоговаривает?

— Про дворянство он сам заикался. Не мне — комдиву сознался. Штабс-капитан... Может быть, и граф. Только фамилия!

— И я про это. Сказал «а» — говори и «б». Молчит. Либо есть что скрывать, либо не он. Ты с ним по-человечески или опять по своей дурной привычке сразу в морду?

Мыртов смутился. Он уже получал от Васильева по шее за неоправданную жестокость на допросах.

— Так он первый меня «держимордой» обозвал.

— Понятно... Это, скорее, граф мог сказать, чем диверсант. У Канариса методичка про поведение на допросах такие слова исключает, не думал?

— Виноват.

— Зови его сюда. Не сам, пошли посыльного, пусть скажет, что приглашаю...

Вскоре один из автоматчиков подвел к скамейке Беса. Тот поднес руку к виску, но незнакомый майор жестом прервал доклад и, подвинувшись на скамейке, пригласил присесть.

— Курите? — спросил он, протягивая пачку «Герцеговины Флор».

— Благодарю, нет.

Васильев прикурил, затянулся, не торопясь убрал пачку в карман. При этом использовал паузу, чтобы лучше рассмотреть собеседника. «Спокоен, уверен, осанка-выправка при нем. Черен, мозолистые замасленные руки, но без грязи под ногтями. Тут все логично. А вот взгляд человека, привыкшего больше выслушивать, чем самому докладывать...»

— Меня зовут Николай Ульянович. Фамилия Васильев. Хотел задать вам несколько вопросов.

— Мне представляться смысла нет, судя по вашим петлицам. А на вопросы по мере сил постараюсь ответить, — сказал Бессонов, сдерживая волнение.

— Почему «по мере сил», Павел Григорьевич?

— Последствия контузии, наверное, сказываются. Что-то помню четко, до мелочей и деталей, а что-то, хоть убей — нет.

— Тогда расскажите, где и при каких обстоятельствах вы познакомились с Хартингом?

— Два дня тому над нашим аэродромом...

— Он говорит о более раннем знакомстве и упоминает какого-то графа Оболенского.

Бессонов задумался. Было дело. В апреле 1941-го в Париже немцы праздновали день рождения Гитлера. Устроили воздушное шоу с участием французских летчиков. По замыслу организаторов, их позвали как мальчишек для битвы, чтобы лишний раз продемонстрировать превосходство немецкого оружия. Знакомый летчик-француз уговорил его тогда выступить за их команду. Он-то немцам праздник и испортил. Мало того, что выиграл стрельбу из пулемета по наземной цели, так и в воздушных боях «завалил» из фотопулеметов Хартинга и компанию.

Асы настоящие. На фуршете французы, чувствуя себя именинниками, представили его как русского графа Оболенского. Немцы восхищались и все допытывались, как он с использованием одного и того же маневра умудрился обхитрить их всех. Потом Хартинг подвел его к какому-то бонзе из Берлина, важному и высокомерному до неприличия. Тот как милость предложил послужить великому делу в рядах личной эскадрильи Геринга. Отказ воспринял с удивлением, дал время подумать и пообещал или пригрозил, что разговор не окончен. Не думал тогда Бессонов, что эта встреча может закончиться для матери и сестры арестом и заточением в гестапо. Про что угодно, но о том, что Оболенский сражается на Восточном фронте, там знать не должны...

— Сомневаюсь, что Хартинг сумел рассмотреть сбившего его летчика.

— Он твердит про почерк аса. Говорит, уже встречался с ним.

— Ему виднее.

— Очная ставка вас, Павел Григорьевич, не смущает?

— Зачем? Допустим, он меня узнает, а я его нет. Для нормального суда — мало. Для трибунала, наверное, хватит. Я и так в вашей полной власти, прикажите своим орлам, они моментально любой приговор исполнят.

— Эти исполнят, не сомневайтесь. Я хочу знать, кто вы, Павел Григорьевич.

— Я — русский, Николай Ульянович. Не только по крови, а и по мировоззрению. По духу, если вам так ближе. Как могу защищаю свою страну от захватчиков. Дворянин я или пролетарий, православный или атеист — в данной ситуации большой роли не играет. Или вы думаете по-другому?

— А я в Киеве вырос, — резко сменил тему разговора Васильев. — В Святошино. У нас был огромный зеленый двор с множеством сокровенных уголков. Мы, шпана, делились по возрастам и разбрелись по своим углам. Мелочь — в песочнице, девчонки на качелях и скакалках, пацаны играли, в том числе и на деньги, лазали по пригородным огородам и садам, курили и выпивали втихаря от взрослых, дрались между собой и другими дворами, и почему-то всем двором дружно травили одного барчонка: забирали у него деньги и еду, мазали в грязи, дразнили. Почему, хоть убей, не знаю. Так все делали, и я в том числе.

Уже постарше, когда учился в ремесленном, встретил первую любовь. Вот проводил ее до дома, а на-